

УДК177.7. 16

DOI: 10.17223/1998863X/55/7

А.А. Быков, Н.И. Зейле

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИЗРЕНИЕ В РОССИИ В «БУНТАШНОМ» XVII ВЕКЕ КАК ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена анализу благотворительности в России в XVII в. Этот период русской истории оказался во многом трагическим. В начале века решались две экзистенциальные проблемы: спасение населения от вымирания во время великого голода и сохранение русской государственности. Авторы рассматривают конкретные меры государственного и частного призрения населения, а также проект царя Федора Алексеевича и некоторые другие предложения по развитию благотворительного начала в России.

Ключевые слова: благотворительность, призрение, богадельни, милостыня, нищенство.

XVII век занимает особое место в русской истории. Это смута, великий голод начала века, смена династии, народные волнения. В.О. Ключевский не зря назвал его «бунташным временем» [1. С. 125].

Социально-экономическая и вместе с ней политическая ситуация в мире и в России в частности осложнилась в связи с началом «малой ледниковой эпохи». Французский ученый Ле Руа Ладюри датировал ее начало 1600-ми гг. [2. С. 93].

Как следствие, с осени 1601 г. в России разразился трехлетний голод. В те времена еще не было международных фондов, американской пшеницы и других внешних источников хлеба. Страна оказалась один на один с этой страшной бедой. Конрад Буссов, иностранный наемник, так описывал подробности гибели населения: «Но клянусь Богом, истинная правда, что я собственными глазами видел, как люди лежали на улицах и, подобно скоту, пожирала летом траву, а зимой сено. Некоторые уже были мертвы, у них изо рта торчали сено и навоз...» [3. С. 34]. Здесь же К. Буссов дает описание людоедства.

Другой иностранец, капитан Жак Маржерет, пишет о последствиях острой нехватки хлеба: «Словом, это был столь великий голод, что, не считая тех, кто умер в других городах России, в городе Москве умерли от голода более 120 тыс. человек; они были похоронены в трех общественных местах, отведенных для этого за городом, о чем, включая даже саван для погребения, заботились по приказу и на средства императора» [4. С. 159]. Императором на Западе нередко титуловали русского царя. Далее Ж. Маржерет сообщает о бегстве населения в Москву из сельских местностей, поскольку император Борис велел ежедневно раздавать милостыню всем беднякам, сколько их будет [Там же]. Французский очевидец народной трагедии пишет и о большой сумме денег – «20 тыс. рублей», – отправленных голодающим в Смоленск.

«Этот голод значительно уменьшил силы России и доход императора», – констатирует Ж. Маржерет [4. С. 160].

О посылке денег в Смоленск, причем в тех же размерах, о которых сообщает Ж. Маржерет, пишет и великий русский историк Н.М. Карамзин. Он считал, что царь «не оставил ни одного города в России без вспоможения... везде уменьшая число жертв» [5. С. 67].

Раздача денег голодающим была, возможно, первой мерой государственного призрения, но не единственной. Борис Годунов прекрасно понимал, что этого мало, нужен комплекс мероприятий. Необходимо задействовать все резервы государства и благотворительный потенциал общества и церкви.

Конрад Буссов, отличавшийся аналитическим складом ума, помимо раздачи денег, отметил следующие действия царя: «Он „царь“ приказал также во всех городах открыть царские житницы и ежедневно продавать тысячи кадей за полцены» [3. С. 36].

Оказывалась помощь и тем, кто стыдился просить подаяние. «Всем вдовам и сиротам из тех, кто сильно бедствовал, но стыдился просить, и прежде всего немецкой национальности, царь послал безвозмездно на дом по несколько кадей муки, чтобы они не голодали» [Там же]. Интерес к иностранцам, забота об их спасении объясняются, видимо, их ценностью как специалистов, и количество этой категории бедствующих было невелико.

К. Буссов отметил и воззвание царя к князьям, боярам и монастырям, «чтобы они приняли близко к сердцу народное бедствие, выставили свои запасы зерна и продали их несколько дешевле, чем тогда запрашивали» [Там же]. В этом воззвании явно просматривается стремление Бориса Годунова использовать благотворительные традиции русского народа.

Однако обращение к совести аристократов, церковных иерархов, даже раздача денег и муки не могли решить проблему выживания населения в условиях продолжавшихся неурожаев. Требовались более жесткие административные меры, и они последовали. Осенью 1601 г. в указе царя было сказано об установлении государственных хлебных цен и о пресечении спекуляции хлебом.

Указ содержал перечень мер по борьбе с этим злом. «Представители посадского и волостного управления получали право обнаруживать и переписывать хлеб в амбарах, житницах и лавках, предлагая владельцам продавать его по установленным государственным ценам. Если кто-либо имеет избыточные запасы хлеба, не хотел продавать его по указанной цене, то таких нарушителей предполагалось штрафовать и сажать в тюрьму. Отобранный хлеб продавался по „уложенной“ цене, однако вырученные деньги возвращались владельцам. Скупщиков наказывали кнутом на торгах, а если они не прекращали спекуляции, то их сажали в тюрьму» [6. С. 126].

Известный русский знаток благотворительности Евгений Максимов отмечал социальное новаторство Бориса Годунова, которое заключалось в принятии мер против монополизации хлебной торговли крупными торговцами. Он же впервые организовал общественные работы для голодающих. Василий Шуйский во многом следовал политике своего предшественника. «Оба они действовали уже не только как частные благотворители, но и как правители государства; при этом оба они положили начало специализации мер помощи нуждающимся» [7. С. 9].

Впервые в истории России государство в лице монархов предпринимает столь комплексные масштабные меры по борьбе с голодом. Сложно оценивать действенность, эффективность этих шагов. Все ли было сделано для спасения голодающих? Возможно, не все, но и силы государства и общества уступили мощи природных бедствий. Итак, в начале XVII в. наметилась тенденция к усилению роли государства в делах призрения нуждающихся слоев населения, но, с другой стороны, происходит упадок земско-приходской жизни в восточной и средней полосе России. Е. Максимов, анализируя состояние общественного призрения после Смуты, выделяет несколько причин ослабления земско-приходской благотворительности. Во-первых, усиление в системе государственного управления «приказного начала» за счет сокращения земского. Во-вторых, уменьшение прав «вольностей» простого народа, что и неудивительно. В XVII в. снижается количество свободных крестьян, во многих приходах их осталось совсем немного. Поэтому и значение их как земских самоуправляющихся единиц значительно ослабло. В-третьих, церковные иерархи захотели прибрать к своим рукам церковную казну приходских союзов и в конце концов добились своего. «С падением земско-приходских организаций пала и постепенно свелась к нулю и приходская благотворительность» [7. С. 8]. Закрепощение крестьян и деградация приходской благотворительности и привели к постепенному росту этатистских тенденций в сфере призрения как компенсации исчезновения низовой, народной благотворительности.

Однако оставались другие направления личной благотворительности. Например, кормление населения в неурожайные годы, а они случались и позднее рассматриваемой нами трагедии в начале XVII в. Продолжалось использование древних христианских практик благотворительности, одна из них – богадомская. Она заключалась в содержании неимущих в особых местах, носивших название «божьих, или убогих, домов», на средства жертвователей. М. Соколовский, русский историк XIX в., насчитал в Москве пять таких «убогих домов». Он же писал о «потюремных деньгах». Это сбор милостыни заключенными в тюрьмах на свое же содержание. Данная благотворительная традиция сохранялась «еще долее царствования Петра Великого» [8. С. 793–795].

В XVII в. зарождается и «воинское призрение», но государство пока оставалось в стороне от этой работы и возложило все на церковь, точнее, на монастыри. «Весьма возможно, что отставные воинские чины вначале определялись в монастыри лишь при условии приема ими монашеского звания и только впоследствии это условие было уничтожено» [Там же. С. 814]. Система призрения отставных воинских чинов получила серьезное развитие только в XVIII в.

Воины, а в еще большем количестве простые люди, крестьяне, холопы и др., попадали в плен к татарам и туркам. Выкуп из полона (плена), фактически рабства, считался довольно древней христианской традицией. В царствование Михаила Романова появляется специальный налог – «полоняничные деньги». Это подворная, а не посошная подать, назначенная на выкуп пленных у татар и турок. Во времена первого из Романовых, Михаила, она собиралась временно по особому распоряжению правительства. По Соборному Уложению 1649 г. этот налог становится постоянным и, по данным

В.О. Ключевского, собирався ежегодно «со всяких людей», как тяглых, так и нетяглых, но не в одинаковом размере с людей разных состояний: посадские обыватели и церковные крестьяне платили с двора по 8 денег, крестьяне дворцовые, черные и помещичьи вдвое меньше, а стрельцы, казаки и прочие служилые люди низших чинов только по 2 деньги. По словам Катошихина, полоняничных денег в его время собиравлось ежегодно тысяч по 150. Эту подать собиравл заведовавший выкупом полоняников Посольский приказ [1. С. 205–206].

Выкуп пленных можно считать общественно-государственным направлением благотворительности, поскольку помимо сбора налога имели место и частные пожертвования: от царя до простых крестьян.

Среди других добродетелей часто назывались «убогим вспоможение», «сирот милование», «трудолюбие», «больных посещение», «страннолюбие», «нищелюбие», «милостыня»; эти добродетели составляют ступени «лестницы, ведущей в рай и ад», изображенные на одной гравюре [9. С. 566].

Самой массовой формой личной благотворительности в христианстве была милостыня, одна из ступеней «лестницы». В сборнике слов и поучений XVII в. имеется «Слово о милостыне, яко даят милостыню убогим самому Христу и сторицею приимать» [Там же. С. 565].

Вера в то, что в образе нищего скрывается сам Христос, была настолько сильна, что многие верующие считали милостыню панацеей от всех бед, даже духовным средством от болезней. В одном сборнике XVII в. помещено «Слово о спасшемся от болезни милостыни ради и паки раскаявся умре». Начинается Слово рассказом о том, что «...некто был в Константинограде разболевся и смерти убоаяся нищим дает 30 литр злата». Некоторые православные считали, что «милостыня способствует освобождению от плена» [Там же. С. 555].

Однако возникает вполне естественный вопрос: кому подавалась милостыня? Ответ вроде бы ясен – нищим, просящим, нуждающимся, но демографический состав нищенского сообщества был весьма гетерогенным: от детей и бедных женщин, как правило матерей, до инвалидов и немощных стариков. Можно их разделить и по-другому: действительно нуждающиеся и профессиональные нищие, «верховные богомольцы» и «богадельные нищие».

Особенно интересна категория «верховных богомольцев». Они появились при царе Михаиле Федоровиче и, по сути, являлись придворными нищими. Жили они при царском дворе и содержались на царском иждивении. По данным М. Соколовского, в Ружной разметной книге отмечено, что «верховым богомольцам 32 человекам по памяти из Дворца дается по 146 руб. с полтиной на год; им из казенного приказу дается теплое и холодное платье и шапки, и рукавицы, тюфяки и подушки в три года без цены» [8. С. 815].

В конце XVII в., уже в правление Петра Первого, двумя распоряжениями в области призрения был уничтожен институт верховных богомольцев и установлен осмотр богадельных нищих, т.е. нищих, призреваемых в богадельнях, стали разделять на действительно нуждающихся и молодых и здоровых, которых следовало отсылать на работу [Там же. С. 814]. Однако эти меры были приняты в конце XVII в. Раннее, в царствование Алексея Михайловича, предпринимались более мягкие действия, скорее, экономического

характера, о чем свидетельствует, например, грамота царя от 1671 г. «О неимании села Еремейцева с приселки и с деревнями... и бобылишков и нищих, питающихся от церкви Божей милостынею, против крестьянских поборов денег» [8. С. 784].

По мнению М. Соколовского, данный документ интересен в двух отношениях. Во-первых, в нем говорится об освобождении от налогов неимущего населения, «каковая мера должна рассматриваться одним из видов предупредительной благотворительности». С другой стороны, документ дает понятие о населении церковных земель, состоявшем из крестьян, бобылей и нищих» [Там же. С. 785]. В переписных книгах XVI–XVII вв. много указаний на существование близ монастырей и церквей нищенских изб – «келий» [Там же. С. 783].

По данным В.Н. Берха, нищих только в одной Москве насчитывалось в это время до 1 000 человек [10. С. 130]. И.Т. Посошков посчитал примерное количество нищих в царствование Федора Алексеевича на Руси и назвал 30 000 человек [Там же. С. 132].

Почему на Руси, несмотря на некоторые меры церкви и государства, количество нищих скорее росло, чем уменьшалось? Искать причины нищенства в экономических проблемах, набегах татар, стихийных бедствиях вряд ли объективно. Многие крестьяне, и не только, продолжали работать, невзирая на временные трудности, а кому-то, несмотря на бедственное положение, просто было стыдно просить милостыню. Однако часть людей становилась нищими. Причины следует искать в индивидуальной психологии и социальном окружении таких индивидов, которое не способствовало развитию трудовой мотивации.

Главной причиной появления класса нищих следует считать позицию русского духовенства, которое с началом христианства на Руси (988) взяло нищих под свою опеку и воспитывало у населения, пока еще во многом языческого, чувства жалости и сострадания. По мнению русского историка Н. Виноградского, оно делало это, во-первых, собственным примером – монастыри были первыми нищелюбцами. Во-вторых, духовенство старалось возбудить тоже чувство милосердия к нищим у общества своими поучениями [11. С. 118]. Итогом просвещенческой деятельности русской православной церкви стала традиция подавать милостыню, ибо «всякому просящему дай», как сказал Иисус Христос.

Данная установка воспитывалась с раннего детства и стала, как писал В.О. Ключевский в работе «Добрые люди древней Руси», средством нравственного воспитания, прививая благонравие. Тем более что и во второй половине XVII в. нищие считались людьми церковными [Там же. С. 152].

Однако, как отмечали современники, поведение нищих не отличалось «благонравием». По словам Флетчера, они бродили в несчетном множестве, приставали к каждому встречному со словами: «Дай мне, или убий меня». Днем они просили, ночью крали или отнимали, так что в темный вечер люди осторожные не выходили из дому. Мало того, христарадничество в то время даже в официальных описях городских ремесел и промыслов значилось как особое ремесло под рубрикой: «Кормится Христовым именем» [10. С. 130].

Нищие второй половины XVII в. не отличались особой воспитанностью и знанием церковных канонов. Они просили милостыню в церквях даже во

время совершения богослужения. «Поэтому Собор 1666 г. вынужден был дать также постановление: во время церковной службы у дверей храма должен кто-то стоять, чтобы нищие в церкви во время пения по церкви не бродили и милостыню не просили, а стояли бы тихо в храме или на паперти. Нищих, которые будут нарушать церковное благочиние, собор предлагал смирять священникам» [10. С. 130].

Решение Собора 1666 г., похоже, не выполнялось, и об этом свидетельствует следующий факт: на Соборе 1681–1682 гг. царь (Федор Алексеевич) просил, «чтобы нищие в церквях во время церковного пения милостыню не просили и тем в церкви стоящим христианам мятежа не чинили» [Там же].

Как отмечалось выше, нищенство считалось ремеслом, а стало быть, и существовала категория «ремесленников», т.е. профессиональных нищих. Каков процент «профи» от общего количества нищенствующих, большая часть которых действительно не могла себя прокормить, трудно сказать. Реально нуждающимся, а это дети, вдовы, калеки, престарелые, необходима была хотя бы элементарная материальная поддержка. Однако «...на счет государственной казны не содержалось в Москве ни одной богадельни» (в царствовании Федора Алексеевича) [11. С. 152]. «Правда, при некоторых церквях были открыты богадельни. Но они были бедны и дурно управлялись. Таким образом, общественная и частная благотворительность не удовлетворяли нуждам нищих» [10. С. 132].

Поэтому на Церковном соборе 1682 г. наряду с чисто управленческими проблемами внутри церкви и другими был поставлен вопрос о борьбе с нищенством. Авторство проекта принадлежало царю Федору Алексеевичу (Проект о борьбе с нищенством напечатан в сочинении русского историка В.Н. Берха «Царствование Федора Алексеевича», 1834). Данный Собор мало известен, но ему уделяли внимание такие отечественные историки, как Н. Виноградский, Г. Воробьев, С.М. Соловьев, Е. Максимов.

По мнению Е. Максимова, «...к 1682 г. относится самый замечательный в древней русской истории письменный акт, систематично и последовательно устанавливающий руководящие начала общественной помощи нуждающимся» [7. С. 10].

В проекте Федора Алексеевича содержится несколько предложений, касающихся проблемы нищенства. Во-первых, «к нищим нельзя относиться как к молитвенникам за души благотворителей. Напротив того, многие из них не больше как „притворные воры“» [7. С. 10]. Во-вторых, нищих необходимо разобрать, дифференцировать. «Станных и больных держать в особом месте со всяким довольством от государственной казны: так чтоб патриарх и все архиереи приказали также в городах строить пристанища нищим. А ленивые, здоровые пристали бы к работе» [12. С. 245]. При царе Федоре велено было построить две богадельни, одну в Знаменском монастыре, а другую на гранитном дворе за Никитскими воротами, «чтоб вперед по улицам бродящих и лежащих нищих не было» [Там же]. В третьих, нищих, не способных к трудовой деятельности, необходимо кормить в особых отдельных местах, больных – лечить. В предложениях Собора неоднократно подчеркивается установка на увеличение количества богаделен и госпиталей. В-четвертых, речь идет об организации призрения, о привлечении «добрых дворян и других лиц», т.е. об упорядочивании системы управления по работе с нищими.

В-пятых, «нищих, которые не поместятся в богадельни и госпитали, следует раздать по монастырям» [7. С. 10]. В-шестых, ставится вопрос о призрении крепостных крестьян и об их лечении, что было прописано, возможно, впервые в русской истории. В высшей степени любопытно седьмое предложение царя. Оно предвосхищало дальнейшие события. Речь идет о призрении детей. «Для них, по примеру иных государств, рекомендуются особые дворы, в которых „робята“ выучивались бы грамоте и ремеслам, а также многим практическим наукам, необходимым в государственном управлении» [Там же]. В этом предложении высказывалась идея о необходимости воспитания своих специалистов, вместо «из иных чужих государств» приглашенных за большие деньги.

Каким наукам собирался обучать детей нищих царь Федор Алексеевич? Это «наука цифирная», «фортификация», «архитектура», «живописная наука», «геометрия», «артиллерия» [11. С. 155], т.е. те науки, которые любил и всячески культивировал на русской почве младший брат царя Федора, Петр.

Восьмое предложение также предвосхищало действия в сфере призрения нищих Петра I, но пока это было лишь пожелание. «„Гулякам“ надлежит воспретить нищенство. Стрельцы по караулам и воротам должны их ловить и приводить в Аптекарский приказ. Что делать с ними, как наказывать и к каким приравнять работам – об этом необходимо издать особый указ» [7. С. 10]. Правда, указа не последовало, но сама идея привлечь здоровых, бездельных нищих к труду уже «витала в воздухе» намного раньше преобразований Петра.

Девятое предложение царя (мы рассматриваем только сферу призрения нищих) было продолжением предыдущего, но более конструктивным. Конечно, необходимо здоровых нищих заставить работать, однако лучше сначала обучить их ремеслам. «Самая надобность в призрении, при развитии ремесел сократилась бы, и государева казна сохранена была бы» [Там же. С. 11].

В проекте перечисляются ремесла, которым следует обучать нищих: «суконное дело, золотое и серебряное дело, часовое дело, токарное, костяное, кузнечное» и др. [11. С. 155]. Как следствие обучения нищих – искоренение этого социального явления: «...что не только в Москве, но и в городах всего Московского государства никакого нищего по улицам бродить не будет» [Там же].

Помимо обучения ремеслам предлагались и другие, по современным понятиям, социальные меры. После усвоения ремесленного мастерства предлагалось покупать им дворы, помочь в создании семей, т.е. сделать все, чтобы бывшие нищие встали на ноги. Любопытна и идея приобщения к труду калек (инвалидов) – «искать, кому какую работу удобнее работать» [7. С. 11].

Конечно, можно считать эти предложения царя Федора Алексеевича наивными, сильно опережающими свою эпоху, однако мы можем только догадываться, что было бы сделано, если бы царь не скончался в том же 1682 г., когда проект был принят Собором словами «Да будет так». Но все вышло иначе, и лишь позднее, после прихода к власти Петра I, часть предложений проекта была реализована.

Во второй половине XVII в. выдвигались не только царские предложения по регулированию проблемы бедности и нищенства. Инициативу проявляли и менее статусные акторы истории. В этом смысле интересна личность и дея-

тельность Епифания Славинецкого (ок. 1600–1675) – богослова, филолога, переводчика из Киева. В царствование Алексея Михайловича он был приглашен в Москву для «более правильного» перевода текста Библии».

Епифаний Славинецкий отличался разноплановыми интересами и идеями. Интересны его предложения по поводу призрения бедных, но без участия государства, исключительно за счет самоорганизации «низов». Опираясь на опыт братств юго-западной Руси, он предлагал оказывать поддержку тем бедным, которые не просят милостыни на улицах, сидят дома, но при этом испытывают «великую нужду». К ним он относил иереев и диаконов, служащих душам человеческим, между тем не имеющих никаких доходов или имеющих малые и скудные, вдов и сирот, странников и пришельцев, разорившихся от болезни, пожара, кражи, и, наконец, уже просителей народных [13. С. 9].

Для оказания действенной помощи данным категориям населения предлагалось создать братство или общество милосердия. «Дело милости, – говорит он (Епифаний), – тогда будут иметь хороший успех, когда многие совокупными усилиями будут стараться достигать одной цели. Кто будет давать деньги, а кто помогать своим трудом» [Там же]. Необходимо для оказания конкретной помощи избрать 10 распорядителей, собирающих данные о нуждах бедных, обсуждающих виды помощи. Женщины могли бы также создавать свои общества милосердия. Е. Славинецкий допускал возможность организации касс для бедных, которые давали бы займы и даже имущим, но без «лихвы».

Эти предложения отчасти предвосхищали Эльберфельдскую систему в Германии (вторая половина XIX в.), создание большого количества благотворительных обществ в России, в том числе женских, опыт российских касс взаимопомощи для рабочего класса.

Однако предложения Е. Славинецкого, как и царя Федора Алексеевича, сильно опережали свою эпоху, поэтому их реализация, да и то не в полной мере, произошла намного позднее. Это были попытки социального новаторства, пусть пока и неудачные, но отметим и некоторые успехи.

Во второй половине XVII в. в стране происходили важные изменения (законодательная и церковная реформы, военные преобразования и т.д.). Медленно, но менялась сфера общественного призрения, где были свои герои и новаторы.

В России традиционно многое зависело от первого лица в государстве. Царь Алексей Михайлович поступал как добрый христианин и подавал пример своим подданным, что и отразилось в письме уже опального патриарха Никона. «И ты, великий государь, подражая небесному отцу и Богу в щедротах, и в Воскресенском монастыре милостию своею не забыл, всякою милостию своею посещал: и пироги имянинные присылал, и милостыню. И я ту твою, великого государя, милость со прозорством (с гордостью) принимал, а все то делал, чтоб мне от твоей милости забвену бытии» [14. С. 514–515].

Одним из самых известных благотворителей XVII в. был дворецкий и дядька (воспитатель) царевича Алексея Федор Михайлович Ртищев (1625–1673).

В.О. Ключевский перечисляет наиболее известные благотворительные подвиги Ф.М. Ртищева. В 1654 г. он во время польского похода организовал

лазарет для больных, нищих и увечных, а также временные госпитали, где лечил нуждающихся за свой счет и на деньги, данные ему на это дело царницей.

В Москве он велел собирать по улицам валявшихся пьяных больных в особый приют, где содержал до вытрезвления и излечения, а для неизлечимых больных, престарелых и убогих строил богадельню, которую также содержал на свой счет» [1. С. 312].

Ф.М. Ртищев тратил большие суммы денег на выкуп русских полоняников (пленных) у татар, помогал даже иноземцам, попавшим в русский плен, заключенным, сидевшим в тюрьмах за долги.

Ради благих дел он способен был даже на некоторое лукавство. В.О. Ключевский описывает такой случай. «В 1671 г., прослышав о голоде в Вологде, Ртищев отправил туда обоз с хлебом, как будто подаренный ему некоторыми христанубцами для раздачи нищим и убогим на помин души, а потом прислал бедствующему городу 14 тыс. рублей на наши деньги (вторая половина XIX в.), продав для этого часть своего платья и утвари» [Там же. С. 312–313].

Ф.М. Ртищев понимал жестокость и несправедливость крепостного права, на практике всегда следовал евангельской установке «вера без дела мертва», что проявлялось в его отношении к своим дворовым и крестьянам, которых он жалел, не перегружал работой и оброком, давал ссуды на развитие хозяйства.

Перед смертью он всех дворовых отпустил на волю и умолял своих наследников, дочь и зятя, только об одном – на помин его души возможно лучше обращаться с завещанными им крестьянами, «ибо, – говорил он, – они нам суть братья» [Там же. С. 313].

Сложно судить о влиянии благотворительных подвигов Ф.М. Ртищева на дальнейшее развитие сферы призрения. Возможно, некоторые его идеи и практики нашли отражение в проекте царя Федора Алексеевича, который не мог не знать о деятельности Ф.Н. Ртищева, но, как отмечал В.О. Ключевский, «тем особенно и важна деятельность тогдашних государственных людей преобразовательного направления, что их личные помыслы и частные усилия превращались в законодательные вопросы, которые разрабатывались в политические направления или в государственные учреждения» [Там же].

Действительно, в XVII в. продолжается процесс институционализации в сфере призрения, начатый в царствование Ивана IV (Стоглавый Собор 1551 г.) и прерванный Смутой и необходимостью восстановления гомеостатического равновесия в политический и социально-экономической системе российского общества. Появляются Дворцовый патриарший приказ (около 1620), который помимо своих основных функций осуществлял контроль за богадельнями и сиротскими домами. Вопросами оказания медицинской помощи занимался Аптекарский приказ (1632), основанный еще при Михаиле Романове. Эти учреждения, конечно, всех социальных бед своей эпохи решить не могли, хотя бы из-за слабого финансирования. Но они объективно отражали общественные потребности в усилении роли государства в социальной поддержке нуждающихся категорий населения. Позднее появляется проект царя Федора Алексеевича, который пусть и не был реализован, но также отражал ранние статистические тенденции в сфере призрения.

При этом следует признать, что главную роль в оказании помощи обездоленным слоям общества играло население, а личная милостыня оставалась главной формой благотворительности. Велика была и роль Русской православной церкви в кормлении населения в голодные годы и содержании богаделен и сиротских заведений. После смерти царя Федора Алексеевича (1682) наступил очередной «провал» в развитии благотворительности, связанный с борьбой за власть (1682–1689), закончившейся победой Петра Первого, который и реализовал часть проекта Федора Алексеевича и сделал процесс этиатизации сферы общественного призрения необратимым, несмотря на некоторые отступления от тенденции в эпоху дворцовых переворотов.

Литература

1. *Ключевский В.О.* Сочинения. Курс русской истории : в 9 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. 414 с.
2. *Ле Руа Ладюри Э.* История климата с 1000 года. Л. : Гидрологическое изд-во, 1971. 280 с.
3. *Хроника смутного времени.* Конрад Буссов, Арсений Елассенский, Элиас Геркман // Новый летописец. М. : Фонд Сергея Дугова, 1978. 608 с.
4. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях. М. : Язык славянских культур, 2007. 552 с.
5. *Карамзин Н.М.* История государства российского. М. : Книга, 1989. Кн. III, т. XI.
6. *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. : Наука, 1975. 390 с.
7. *Максимов Е.* Очерк исторического развития и современного положения общественного призрения в России // Общественное и частное призрение в России. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1907. 296 с.
8. *Соколовский М.К.* К вопросу о древнерусской благотворительности // Христианское чтение. 1902. № 6.
9. *Соколовский М.К.* Черты благотворительности по некоторым древнерусским памятникам литературы и миниатюры // Христианское чтение. 1902. № 10. С. 564–580.
10. *Воробьев Г.А.* О Московском соборе 1681–1682 года : опыт исторического исследования Григория Воробьева. СПб. : Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1885. 158 с.
11. *Виноградский Н.* Церковный собор 1682 года : опыт историко-критического исследования Николая Виноградского. Смоленск : Паровая тип. Я.Н. Подземского, 1899. 268 с.
12. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : Соцэкгиз, 1962. Кн. 7, т. 13–14. 670 с.
13. *Заведеев П.* История русского проповедничества. Тула : Тип. Н.И. Соколова, 1879. 261 с.
14. *Памятники литературы Древней Руси: XVII век.* М. : Худ. лит., 1988. 704 с.

Alexander A. Bykov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: aab56@sibmail.com

Nikolay I. Zeile, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: aab56@sibmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 59–69.

DOI: 10.17223/1998863X/55/7

CHARITY AND STATE SUPPORT IN RUSSIA IN THE “REBELLIOUS” 17TH CENTURY AS AN EXISTENTIAL PROBLEM

Keywords: charity; state support; poorhouses; alms; begging.

The authors analyze the phenomenon of charity and state support in Russia in a very difficult 17th century. The beginning of the century was tragic for the country. Three years of famine put the population on the verge of extinction, which was described in detail by foreigners in the Russian service – J. Margeret, K. Bussov, and others. The article examines the measures taken by Tsar Boris Godunov to save the population: from selling cheap bread and distributing money to fighting speculation and confiscating food supplies. These measures saved many ordinary people, but did not keep Russia

away from social and political chaos: turmoil, foreign intervention, and a change of dynasty. These events activated the potential of church and private charity, which acted as a kind of social shock absorbers in the conditions of political turbulence. With the restoration of a homeostatic balance in the socio-political system of Russia, which was de jure reflected in the Council Code of Tsar Alexey Mikhailovich (1649), there was a further development of charity. Along with the traditional Christian forms of charity: alms, feeding the population, ransoming prisoners, burial of the dead, etc., state structures were also created – the Palace Patriarchal and Pharmaceutical Prikazes. This was an objective necessity due to the weakening of the role of the zemstvo and church aid to the population, at least because of the decrease in the number of free peasants. So, in the 17th century, a statist trend in charity emerged, which was reflected in the project of Tsar Fyodor Alekseevich, approved at the Church Council (1682). The project proposals were aimed at eradicating beggary and against poverty in general. This is evidenced by the project's thesis about teaching sciences and crafts to poor children and helping them in life management. The authors noted the ideas and activities of Epiphanius Slavinetsky and Fyodor Rtishchev, who were innovators of charity. However, the innovative ideas and practices were fragmentarily implemented during the reign of Peter the Great.

References

1. Klyuchevsky, V.O. (1988) *Sochineniya. Kurs russkoy istorii: v 9 t.* [Essays. The course of Russian history. In 9 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
2. Le Roy Ladurie, E. (1971) *Istoriya klimata s 1000 goda* [History of climate since 1000]. Translated from French. Leningrad: Gidrologicheskoe izd-vo.
3. Bussow, C., Ellassonsky, A. & Herckman, E. (1978) *Khronika smutnogo vremeni* [Chronicle of the time of troubles]. Moscow: Fond Sergeya Dugova.
4. Margeret, J. (2007) *Sostoyanie Rossiyskoy imperii* [The State of the Russian Empire]. Translated from French. Moscow: Yazyk slavyanskikh kul'tur.
5. Karamzin, N.M. (1989) *Istoriya gosudarstva rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 3(9). Moscow: Kniga.
6. Koretsky, V.I. (1975) *Formirovanie krepostnogo prava i pervaya krest'yanskaya vojna v Rossii* [Formation of serfdom and the first peasant war in Russia]. Moscow: Nauka.
7. Maksimov, E. (1907) Oчерк istoricheskogo razvitiya i sovremennogo polozheniya obshchestvennogo prizreniya v Rossii [An essay on the historical development and current status of public charity in Russia]. In: Maksimov, E. et al. *Obshchestvennoe i chastnoe prizrenie v Rossii* [Public and private charity in Russia]. St. Petersburg: Tipografiya impera-torskoy akademii nauk.
8. Sokolovsky, M.K. (1902) K voprosu o drevnerusskoy blagotvoritel'nosti [On ancient Russian charity]. *Khristianskoe chteniya*. 6.
9. Sokolovsky, M.K. (1902) Cherty blagotvoritel'nosti po nekotorym drevnerusskim pamyatnikam literatury i miniatyury [Charity on some ancient Russian rare books and miniatures]. *Khristianskoe chteniya*. 10.
10. Vorobyov, G.A. (1885) *O Moskovskom sobore 1681–1682 goda: opyt istoricheskogo issledovaniya Grigoriya Vorob'eva* [About the Moscow Cathedral of 1681–1682: historical research by Grigory Vorobyov]. St. Petersburg: Izd. knigoprodavtsa I.L. Tuzova.
11. Vinogradsky, N. (1899) *Tserkovnyy sobor 1682 goda. Opyt istoriko-kriticheskogo issledovaniya Nikolaya Vinogradskogo* [Church Cathedral of 1682. Historical and critical research by Nikolay Vinogradsky]. Smolensk: Parovaya tipografiya Ya.N. Podzemskogo.
12. Soloviev, S.M. (1962) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 15 kn.* [History of Russia since ancient times: in 15 vols]. Vol. 7(13-14). Moscow: Sotsekgiz.
13. Zavedeev, P. (1879) *Istoriya russkogo propovednichestva* [History of Russian Preaching]. Tula: N.I. Sokolov.
14. Likhachev, D.S. & Dmitriev, L.A. (eds) (1988) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: XVII vek* [Monuments of Old Rus Literature: 17th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.